

Правильность такой перспективы подтверждается текстом четверостишия, который приведен Р. Якобсоном:

О Достоевскимо бегущей тучи,
О душкиноты млеющего полдня,
Ночь смотрится, как Тютчев,
Безмерное замирным полня²⁴.

Последний стих, по-видимому, следует рассматривать не столько как вариант, сколько как продолжение: *мерное — замерное — безмерное — замирное*, где изменение корня знаменует выход в иной поэтический мир и соответствует четвертому, подразумеваемому имени. Это имя и есть отсутствующая, «лирическая» часть заклинания.

И наконец, последний вопрос: каков же историко-литературный смысл хлебниковского «Заклятия именем»?

Для того чтобы его понять адекватно, необходимо принять во внимание не только его утверждающий аспект, но и его скрытую полемичность. В поле зрения нужно включить и еще одно имя — Верлен, но уже под знаком отрицания.

Отношение Хлебникова к Верлену (как и вообще к новой французской поэзии) было достаточно сложным. С одной стороны, в его творчестве видны следы внимательного изучения французских поэтов (кроме Верлена, особенно Бодлера и Верхарна), с другой — везде присутствует отенок неприятия. Тем более враждебным было его отношение к их русским эпитомам. В сатире «Карамора № 2», изображая выступление поэта П. П. Потемкина в редакции «Аполлона», он доводил описание до фантастического гротеска:

Смотрите! приподнялись длинные губы
И похотливо тянут гроб Верлена.
Мертвец кричит: «Ай-яй,
Я принимаю господ воров лишь в часы от первого
письма до срока смерти.
Я занят смертью, господа. И мой окончен прием.
Но вы идите к соседу. Мы гостей передаем!
Дэлямязюик».²⁵

(СП, II, 81)

Этот отрывок во многом близок пьесе «Маркиза Дезес», где в реплике «Рыжего поэта» дан первый намек на «О, Достоевскимо...». Здесь же другой намек дан в реплике «Верлена». *Дэлямязюик* — это, конечно, начало первого стиха знаменитого верленовского «Искусства поэзии».

De la musique avant toute chose.

А канвой для хлебниковского ономасторфного пейзажа послужил «импрессионистически-метафорический пейзаж» третьей строфы:

C'est des beaux yeux derrière des voiles,
C'est le grand jour tremblant de midi,
C'est, par un ciel d'automne attiédi,
Le bleu fouillis des claires étoiles!²⁶

²⁴ См. Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок первый. Виктор Хлебников. Прага, 1921, с. 60.

²⁵ В этой связи см. комментарий Н. Харджиева. НИ, с. 418—422.

²⁶ Ср. в пер. Брюсова:

То — взор прекрасный за вуалью,
То — в полдень задрожавший свет,
То — осенью, над синей далью,
Вечерний, ясный блеск планет!

Отмечу, кстати, что не менее знаменитое пастернаковское «Определение поэзии» также восходит к этой строфе, представляя ее развернутую интерпретацию.